

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ,
Никита МИХАЛКОВ

СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК

Рустам Ибрагимбеков: «Мы остановились на интереснейшем с нашей точки зрения периоде истории России, периоде конца ее естественного развития. Уже через несколько лет Россия сбил бронепоезд революции...»

Предлагаем вниманию читателей фрагменты сценария Рустама Ибрагимбекова и Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник». Его начинает печатать журнал «Киносценарии» с № 3 за этот год.

Зима 1885 года.

Мчится поезд по заснеженным просторам в нескольких часах езды от столицы Российской империи Санкт-Петербурга. В международном вагоне типа «Микст» в одном из купе едет абиссинский принц с двумя слугами. Перед принцем разложена карта гигантской Российской империи, на которой он чертит карандашом какие-то линии.

Из купе рядом слышится разговор.

ГОЛОС. Да нет же, любезный, вы опять не поняли! Это не чучело, голова самая настоящая, но только ей четыре с половиной тысячи лет. Я ее в Каире купил.

В купе двое: один плотный, другой — длинный и худой. Между ними в стеклянной коробке стоит мумия головы египетской красавицы.

ДЛИННЫЙ [как бы начиная разговор сначала]. Нет, уж позвольте, милостивый государь,.. ежели убрать все эти тонкости: историю, Египет... прочая! Вы везете мертвую человеческую голову! Я не от себя говорю, я, как полиция может посмотреть!

В последнем купе вагона, облокотившись на бархатный валик дивана, сидела дама с тонкими чертами лица.

Дама читала книгу.

Небольшая станция под Петербургом. Снежно. Вертикальный дым из труб. Из буфетной залы, толкаясь, высыпают на перрон молодые юнкера. Обжигаясь горячими бубликами, крича, подскальзываясь на укатанном снегу, они бросаются к отходящему поезду.

Поезд уже набирал ход, когда из буфетной выскочили еще пятеро замешкавшихся юнкеров и, поняв, что свой вагон им уже не догнать, прыгнули в первый попавшийся.

Все возбужденные, румяные, дышащие свежестью и морозом, они продавливают вглубь, в сенцы, толстощекого немца-проводника, цепляющегося за все поручни и ручки.

ПРОВОДНИК [кричит по-немецки]. Нет, нет! Никогда! Это невозможно, господа офицеры! Это экстра-класс! ТОЛСТОЙ [надавливая на проводника]. Вот, вот — нам это и нужно!

ПОЛИЕВСКИЙ. Ой, ой, падаю!

Все оборачиваются. Полиевского на подножке нет. У немца-проводника затряслось лицо.

...Полиевский, держась одной рукой за поручень, а другой уцепившись за край окна, висит в воздухе.

Проводник медленно ползет к двери. Резко появляется в дверном проеме Полиевский.

ПОЛИЕВСКИЙ [кричит]. А-а-а, колбасник, наложил в штаны?!

Он впрыгивает в сенцы вагона, и вся компания, хохоча и толкаясь, продавливается в вагон.

Здесь тихо. Вагон плавно раскачивается. Юнкера тоже притихают. Жуют горячие бублики.

Из купе рядом доносятся голоса.

ГОЛОС ДЛИННОГО [так же ровно]. Ну, а вот, допустим, сударь мой, я — полицейский пристав, встречаю вас на Невском, а вы, извините, эту вот сию часть мертвого тела, голову то есть, под мышкой несете и посвистываете. «Откуда голова?» — спрашиваю. Что вы мне на это ответите, господин ученый?

ГОЛОС ПЛОТНОГО [уже еле сдерживаясь]. Да оставьте вы меня в покое, Христа ради...

Из сеней доносится писклявый тенор кондуктора.

КОНДУКТОР [слабо]. Полиция! Полиция!..

Юнкера встрепенулись. Назаров имитирует кого-то из командиров.

(Продолжение на 8—9-й стр.).

Журнал и сценарий 18-25 сцен (с. 188)